

чайно характерными становятся обломки зернотерок. По-видимому, это местонахождения периода ранней бронзы. К эпохе развитой бронзы относятся стоянки № 1 и 2 на правом берегу Керулена около моста, напротив старой части города. Им свойственно широкое применение халцедонов для изготовления каменных орудий. Только на этих стоянках были встречены двусторонне обработанные наконечники стрел (глазковский тип).

В заключение следует упомянуть об открытии двух погребений: неолитического, сидячего, засыпанного охрой, и захоронения женщины сянби с бронзовыми ажурными пайцзами, «подбитыми» деревянными досточками, ожерельем из красных халцедоновых бус, богхедовым кольцом, двумя сосудами, остатками меховой одежды и костями жертвенных животных. Погребения эти заслуживают особого описания.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР,
Новосибирск*

Р. 840830

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ЗНАЧЕНИЕ ДНЕВНИКОВ МЕССЕРШМИДА ДЛЯ ТУНГУСОВЕДЕНИЯ

Доктор Д. Г. Мессершмидт, приглашенный Петром I для естественно-исторического изучения Сибири и сбора лекарственных трав, был в путешествии по Сибири 5 лет (выехал из Тобольска в марте 1721 г. и вернулся туда в феврале 1726 г.). Из них почти три года он проезжал по местам кочеваний тунгусов (эвенков).

Лето и осень 1723 г. у него ушли на поездку по Нижней Тунгуске, от ее устья (Туруханск) до дер. Подволошиной у перевала на Лену. Выйдя на Лену, он поднялся по ней до р. Илги и через степи поехал в Забайкалье. Переправившись через Байкал, по Селенге доехал до Удинска (Улан-Удэ). Отсюда через Читинский острог поехал в Нерчинск. Дальше, осмотрев лежавший у него на пути Аргунский серебряно-плавильный завод, он проехал вверх по Аргуни до озера Далай-нор. На обратном пути, оставленный проводниками, Мессершмидт заблудился и был доставлен монголами на р. Онон. По Онону и Ингоде он добрался до Читинского острога и в апреле 1725 г. вернулся в Иркутск. Здесь он получил указ о возвращении в Петербург. В июне 1725 г. по Ангаре и Енисею прибыл в Енисейск.

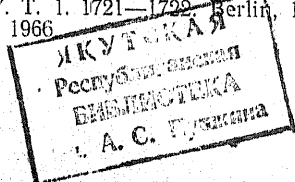
Еще будучи в Тобольске, Мессершмидт расширил свою программу, включив в нее вопросы из географии, истории, этнографии и антропологии, что получило свое отражение в его дневниках.

Записи по тунгусам сосредоточены в трех дневниках (№ 2, 3 и 4)¹ и представляют этнографические описания, записи слов и некоторых синтаксических сочетаний.

В дневниках Мессершмидта мы имеем первые записи непосредственных наблюдений определенных групп тунгусов (ангарские, нижне-тунгусские, верхнеленские и забайкальские). Мессершмидт, кроме того, впервые очень точно записал относительно большое количество слов, некоторые формы их и короткие предложения от разных групп тунгусов с Нижней Тунгуски, Лены и из Забайкалья.

Большое значение для истории имеют его записи самоназваний. Первое самоназвание, которое он узнал в Туруханске, было *orotong* (оротонг) 'оленные' (*орочон*, по записи Мордвинова в XIX в. от тех же групп), характерное для оленеводческих групп верхнего Приамурья и Забайкалья и известное с XVII в. Во время путешествий Мессершмидта так называли в Забайкалье всех тунгусов, исключая конных. Мессершмидт встречал оленных, проезжая по нижней части Нижней Тун-

¹ Арх. АН, ф. 98, оп. 1, 4. Дневники опубликованы: D. G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. T. 1. 1721—1722. Berlin, 1962; T. 2. 1723—1724. Berlin, 1964; T. 3. 1724—1725. Berlin, 1966.

гуски. В верхней части этой реки тунгусы называли себя *hundissal* (хундысал) букв. 'хозяева собак' (16-VII-1723; 4-IX-1723). Это само-название сохранилось в начале XX в. как второе название рода Мучугир — Хунникал (букв. 'хозяева собак'). Мучугиры кочевали с XVII по XX в. по бассейну Нижней Тунгуски между ее притоками Непа — на юге и Кочома — на севере.

Большое количество собак у ангарских тунгусов, бросившееся в глаза Идесу в 1693 г., подробное описание собачьей упряжки Каменским-Длужеком в 1658 г. и рядом с этим отсутствие упоминания об оленях у Идеса (Ангара), у Мессершмидта (Нижняя Тунгуска — верхняя половина), у Гмелина (Нижняя Тунгуска между деревнями Подволошино и Преображенка) в XVIII в., упоминание о «сидячих» и «пеших» тунгусах на Ангаре и в верховьях Лены в документах XVII в.¹ и, наконец, самоназвание по использованию животных в транспорте «собачьи», записанное Мессершмидтом, — все эти факты свидетельствуют о преобладании безоленных в XVII—XVIII вв. среди указанных выше групп эвенков и об определенной роли собаки в их хозяйстве. А это, в свою очередь, дает обоснование термину «собачьи» (тунгусы), употреблявшемуся в литературе XVIII в. Оленные *оротонг* в XVIII в. были на нижней половине Нижней Тунгуски и севернее. Отмечая в дневнике, что эти тунгусы содержали оленей и собак, Мессершмидт дал описание и сделал в дневнике рисунок «башмака» (чаты), который вместо пут подвешивали к шее оленя, чтобы не убежал.

Для истории важны записи особенностей отдельных групп тунгусов. Мессершмидт неоднократно указывает, что хундысал с Нижней Тунгуски имели татуировку на лице, а верхнеленские тунгусы с р. Илги (24-XI-1723) и даурские (забайкальские — конные) ее не знали (22-VII-1724), хотя по языку те и другие различались незначительно. Отметил он и отличие их от бурят и монголов: они, хотя и одевались как буряты и монголы, но отличали себя от них по языку. При записи их слов ученый часто приводит монгольские соответствия.

Мессершмидт обратил внимание на отсутствие половых и возрастных различий как в костюме, так и во внешнем облике нижнетунгусских тунгусов. Волосы у всех были обвязаны ремешком в верхней части затылка. Такая обвязка была характерна еще в начале XX в. для ангарских и енисейских групп. Мессершмидт первым дал подробное описание летнего костюма тунгусов: не сходящийся на груди распашной кафтан, короткий спереди и оканчивающийся сзади мысом; подвешенный к шее в виде узкой полосы нагрудник; опушка по краям из белого и окрашенного в красное меха косули, между которыми в женских кафтанах были пришиты разные изображения и колокольчики (этим их кафтаны и отличались от мужских); замшевые натазники с бахромой до половины бедра, пришитой спереди; ноговицы, ремешками привязанные к натазникам, и обувь летняя и зимняя (11-VII-1723). Этот костюм в XVIII—XIX вв. был характерен для енисейских и ангарских тунгусов. Мессершмидтом даны описание устройства чума, который летом покрывали сшитыми из берест полосами, а также луков со стрелами, с указанием размеров и названий (16-VII-1723), лыж, лодок-берестянок (из коры березы) и лодок-лиственок (из коры лиственницы) (11-VII-1723). Подробно записал он, как нижнетунгусские тунгусы наносили татуировку, и приложил рисунки ее для лица (16-VII-1723).

¹ А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят. Иркутск, 1937, стр. 257; М. Л. Косвен. К истории русской этнографии XVII—XVIII вв. Тр. ИЭ нов. сер., т. XX, 1956, стр. 47—48. О пеших и оленных охотниках см.: Г. Василевич. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов. М., 1964.

У этих же тунгусов он купил металлические изображения человека, которые подвешивали к нагрудной части одежды. Такого же рода подвески встретил у тех же тунгусов с р. Кочома в 1794 г. сержант Попов¹. Аналогичные изображения из кости были найдены на грудной клетке человека в неолитическом могильнике на Ангаре у устья р. Уды². Это один из группы предметов тунгусской культуры, своим происхождением уходящих в неолит Прибайкалья.

Очень интересен записанный Мессершмидтом способ привлечения охотниками лосей и оленей: они выжигали леса, чтобы на выжженных местах ускорить рост трав и молодых порослей, любимых этими животными.

Для истории различных групп тунгусов интересна запись Мессершмидта о том, что тунгусы избегали столкновений с «соседями». А «соседями» этих тунгусов были оленекские и верхневиллюйские тунгусы, которые по мере расселения якутов в бассейнах Вилюя и Оленека в XVII—XIX вв. продвигались на запад. Столкновения оленекских тунгусов с западными зарегистрированы еще в XVII в. Они получили отражение и в преданиях илимпийских эвенков, записанных Рычковым и нами³ (столкновения местных эвенков с *булэшэл* 'врагами' — оленными пришельцами с востока). Сержант Попов, бывший на Нижней Тунгуске в 1794 г., указывал, что охотники были всегда вооружены и готовы отбить любое нападение. То же наблюдали у них почти через сто лет Чекановский и Миллер.

Указание населенных пунктов по Нижней Тунгуске на всем пути Мессершмидта помогает уточнить данные исторических источников по местонахождению ясачных зимовий. Тунгусы, встреченные ученым на устье Илги, на Лене, несколько отличались от нижнетунгусских небольшими заимствованиями от русских, они не имели тагуировки на лице, поверх натазников с бахромой в виде передничка, носили меховой нагрудник, шею обвязывали платком, который по-прежнему называли *вачи*⁴, а на кафтанах у них были нашиты карманы (28-IX-1723). У этих тунгусов Мессершмидт встретился с изображением духов-помощников шамана и дал их описание.

Широко эрудированный в области языков, Мессершмидт стремился в своих записях точнее отразить произношение каждого слова, отмечая почти все долгие звуки и в большинстве случаев правильно различая две фонемы *i* и *y*. Выразил он и свое впечатление от речи тунгусов: это «свободная, легкая и быстрая» речь (4-VII-1723, дневник № 2, л. 125). Он записал на Нижней Тунгуске и Лене около 500 и в Забайкалье около 200 слов с топонимами тунгусского происхождения, в отдельных случаях подчеркивая последнее. Часть его словаря для иллюстрации языка тунгусов оротонг (136 слов в сноске и несколько слов в тексте для сравнения) использовал Ю. Клапрот в своем труде «*Asia polyglotta*» (Paris, 1823). После Клапрота к лингвистическим записям Мессершмидта никто не обращался.

В Туруханске Мессершмидт вел записи слов, по-видимому, по заранее заготовленному списку, включавшему кроме предметных слов чис-

¹ Акты архивов Якутской области. т. I, 1650—1800. Составил Е. Стрелов. Якутск, 1916.

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3. 1955, стр. 350, 352.

³ Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, вып. I. Составила Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 92, 246—253, 261; Исторический фольклор эвенков. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. М.—Л., 1966, стр. 307—312.

⁴ Вачи — длинное боа из нанизанных на ремешок кусочков беличьих хвостиков. Им обматывали шею и голову.

лительные, прилагательные и некоторые наречия. В дальнейшем он перешел на запись по темам (животные, птицы, рыбы, растения и некоторые слова из быта). В Забайкалье он приводил в дневнике только названия птиц и животных, иногда давая для сравнения слова из других языков. Попутно обращал внимание на формы множественного числа, уменьшения и рода (по половому признаку). В отдельных случаях им записаны синтаксические сочетания.

Теперь, когда в более или менее достаточной степени изучены говоры и диалекты эвенкийского языка, когда выявлена специфика общетунгусской и, в частности, эвенкийской культуры, произведено сравнительное изучение ее элементов, только теперь можно оценить лингвистические записи Мессершмидта. Они имеют значение не только для истории эвенкийского языка и культуры, но и для проблемы расселения тунгусов по тайге.

Записи Мессершмидта свидетельствуют о том, что в течение более чем 250 лет основная лексика не изменилась: слова, записанные им, существуют в языке до сих пор. Кроме того, записи позволяют установить, что в начале XVIII в. по всей Нижней Тунгуске, Лене (от р. Чечуй и вверх), а также в Забайкалье распространились говоры одного спирантного шипящего диалекта (согласный звук *-ш-* во всех положениях в слове, отсутствие согласного *-с-*). Говоры оротонг (оленных) и хундысал (собачьих) значительно отличались друг от друга. Даже говоры южнозабайкальских скотоводов, обогащенные монгольской лексикой, незначительно отличались от первых двух (к началу XX в. хамныганы утеряли свой язык и говорили по-бурятски или по-монгольски). Говоры шипящего диалекта различались между собой степенью проникновения фонетики или лексики говоров сибилантно-свистящего диалекта (во всех положениях в слове согласный *-с-*) забайкальско-витимских тунгусов и говоров сибилантно-спирантного диалекта (в интервокальном положении — согласный *-х-*, во всех остальных положениях в слове — согласный *-с-*) верхнеамурских тунгусов.

Сравнение записей Мессершмидта с записями для словаря Палласа (изданными и неизданными), с записями XIX в. (А. Миддендорфа, Р. Маака, А. Чекановского и М. Кастрена) и XX в. (В. Васильева, К. Рычкова от эвенков илимпийской и западной, сымской, групп) и с нашими — в советский период — показывает картину превращения северных говоров шипящего диалекта в два спирантных диалекта (согласный *-х-* в начальном и интервокальном положениях, согласный *с/ш* — в сочетании с согласным): илимпийский — к северу от Нижней Тунгуски и ербогоченский — в бассейне Нижней Тунгуски между реками Илимпея и Тэтэя. Каждый из диалектов объединяет ряд говоров.

Различия говоров ш-диалекта, с которыми ознакомился Мессершмидт, заключались: 1) в степени сохранения неассимилированных сочетаний *-лд-*, *-нд-*, характерных для шипящего диалекта (для говоров свистящего характераны употребление сочетаний *-лл-*, *-нн-*); 2) в степени сохранения широких гласных, которым соответствуют узкие гласные говоров обоих восточных диалектов; 3) в степени сохранения губно-губных звуков *-в-*, *-м-*, соответствующих *-б-* и *-н-*, в говорах сибилантно-свистящего диалекта; 4) в степени появления особенностей, характерных для спирантно-свистящего диалекта, «секания», «чекания» или «раканья» (употребление сочетаний *-лр-*, *-нр-*); 5) в проникновении лексики и форм слов, характерных для говоров восточных диалектов.

Сравнение лингвистических записей XVIII—XX вв. позволяет говорить о двух древних сибилантных диалектах — свистящем и шипящем. Шипящий диалект был характерен для приангарско-прибайкальских

тунгусов, расселившихся севернее, а частично и их потомков в южном Забайкалье и на крайнем востоке. Свистящий диалект — для тунгусов бассейна Витима. Сибилантно-спирантный диалект развился в верхнем Приамурье (по-видимому, в бассейнах Зеи — Нонни).

Рассмотрим особенности говоров, существовавших при Мессершмидте.

1. Проникновение произношения с согласным *-с-* в шипящие говоры. У енисейско-туруханской группы *-с-* только начинал появляться в интервокальном положении (отдельные случаи): *schuhn* (шун) 'кафтан'; *scharrum* (шерун) 'радуга'; *schenilgan* (шенилгэн) 'снег'; *sulaki* (шулаки) 'лиса'; *shekta* (шекта) 'тальник'; *obilasa* (обилаша) 'весна'; *hischa* (хиша) 'камень, скала'; *gusch* (гуш) 'орел'; *hasch* (хаш) 'кольцо для стрельбы из лука'. Но: *ashadkan* (асаткан) 'девочка, дочь'; *öhsah* (еса) 'глаз'; *oshichta* (осихта) 'звезда'.

У учамско-вивинской группы *-с-* употреблялось несколько шире: *s'ogdia* (сегдя) 'дикий олененок'; *sewocky* (сэвэки) 'бог'; *singoroldygon* (сингэрэлдыгэн) 'мышь'; *oldokscho* (олдокшо) 'доска'; *itukscha* (имукша) 'жир'; *guschkoh* (гушкэ) 'волк'; *abhsack* (абсак) 'ящик'.

В говоре нидымско-турыжской группы шипящее произношение продолжало сохраняться, но в него проникло произношение с *-ч-*, характерное для забайкальско-витимских говоров и развившееся под влиянием фонетики бурятского языка: *dowaiekscha* (дэвэкишэ) 'красная минеральная краска'; *hischa* (хиша) 'камень, скала'. Но: *tschavaki* (чэвэки) 'бог'; *tschingrekan* (чингэрэкэн) 'полевая мышь'; *tschonngakon* (чоннгакан) 'новорожденный олень'.

В говорах илимпейско-кочомской группы (от устья Илимпеи до Тэтэи) при преобладании шипящего произношения встречалось и свистящее (секающее) произношение, а в отдельных словах вместо *-с-* произносили *-ч-*: *schutschu* (шучу) 'утка-моклок'; *schondokunn* (шондокун) 'дятел'; *schichschi* (шухшу) 'ровдужная вязка'; *taukschacky* (таукшаки) 'заяц'; *uschtiin* (уштимун) название реки; *gusch* (гуш) 'орел'. Но: *sengoroldybhun* (сенгэрэлдыбун) 'мышь'; *s'ebhocki* (сэбэки) 'бог'; *shekta* (секта) 'тальник'; *ssutti* (суму) 'сухожилие'; *gascha, gasha* (гаша, гаса) 'белый журавль'; *tschashibhky* (чашики) 'щука'; *tschan-kirrah* (чэнкирэ) 'можжевелник'; *tscheetschul* (чечул) 'утка-моклок'; *dshuptila* (чуптылэ) 'шиповник'.

Эти говоры к XX в. превратились в спирантные (в начальном и интервокальном положении вместо *-ш-* стало произноситься *-х-*).

В говорах же непской группы (между Могой и Подволошиной) шипящее произношение сохранялось и свистящее произношение было редким явлением: *schadshiga* (шадига) 'сорока'; *schonniakun* (шэннэкун) — птица из семейства дятлов; *thaugshacky* (таукшаки) 'заяц'; *gusch* (гуш) 'орел'; *ssutti* (суму) 'сухожилие'; *hundyshal* (хундысал) — самоназвание, букв. 'хозяева собак'. Эти говоры в XIX в. стали свистящими.

2. Вторая особенность шипящего диалекта — употребление неассимилированных сочетаний *нд*, *лд* — в то время сохранялась во всех говорах: *dunda* 'земля' (Туруханск, Нидым), *abdandal* 'листья', *hulda* 'одеяло' (Учами), *handa* 'острога' (Нидым); *sondokun* 'дятел' (Илимпей, Тэтэя), *hendir* 'клевт' (Илимпей). И только в говоре непской и верхне-ленской групп встречалось ассимилированное сочетание, характерное для свистящего диалекта: *hindir*, *hinnir* 'клевт'; *sonnakun* — птица из семейства дятлов; *kokollo* 'рукавица'. Но в забайкальских говорах неассимилированное сочетание продолжало сохраняться: *kokolda* 'рукавица', *pondo* 'рысь'.

В Туруханске Мессершмидт записал витимское произношение в слове рыба — *olro* (*oldro* вместо *олдо*).

3. Сохранялось в большинстве говоров и употребление широких гласных (*a, o, e*), соответствующих узким гласным (*y, u* — свистящего диалекта): *tonnga* (Туруханск) 'пять'; *pohrta* (Туруханск) 'нож'; *toka-la* (Нидым) 'земля'; *helakta* (Кочома) 'ястреб'; *bera* (Туруханск, Забайкалье) 'река'.

4. Сохранялось и характерное для шипящего диалекта употребление звука *-m-*, соответствующее заднеязычному *-n-*, (*-ng-*) в свистящем диалекте: *kutakan* (Туруханск) 'ребенок'; *kumakta* (Забайкалье) 'толокнянка', и опускание согласных *-vuv-, -vz, v-* в интервокальном положении: *rocktyra(w)on* (Туруханск) 'ружье'; *la(w)ukta* (Учами) 'мох'; *a(w)un* (Кочочума) 'шапка'; *ajitka* (аг.итка) (Лена) 'волк'; *da(w)ugin* (Лена) 'соль'.

5. Наряду с фонетическими особенностями с востока проникали и некоторые формы. Так, на Учами (11-VII-1723) Мессершмидт записал восточную форму прилагательного «большой» с суффиксом *-ngə*: *hog-dingah* (*хэгдин,э*) 'большой', а в Туруханске и на Учами — ряд слов со звуком *-x-* вместо *-k-*: *tschucha* (*чуха*) вместо *чука* 'трава'; *lalbocha* (*лалбэха*) 'мох'; *katzichan* (*качихан*) 'щенок'; *tacktichan* (*тактыхан*) 'кедр'. Прилагательные по признаку цвета у него записаны в восточной форме с суффиксом *-pin-*: *bagdarin* 'белый'; *kongnorin* 'черный'.

Проникновение в говоры шипящего диалекта фонетических особенностей витимско-забайкальского свистящего и верхнеамурского сибилантно-спирантного диалектов происходило одновременно с проникновением лексики. Так, например, в говоры туруханско-енисейских тунгусов вошли слова *toosky* (*токи*) 'лось'; *kutaka* 'изюбрь' (в этих широтах не водится); *gusch* (*гуш*) 'морской орел'; *hasch* (*хаш*) 'кольцо для пальца при стрельбе из лука'; *urrokann* (*уркээн*) 'мальчик'. В говоры учамских тунгусов вошли слова *s'ogdia* (*сэгдя*) 'дикий олененок', дикий лосенок'; *guschkoh* (*гушко*) 'волк'; *nukitschan* (*никичэн*) 'утка'; *kiltyrah* (*килтырэ*) 'хлеб'. В говоры тэтэйско-кочомских тунгусов: *oroki* 'лягушка'. В говоры верхнеленских тунгусов — *tektschan* (*мекчан*) 'кабарга'; *daughun* (*даутун*) 'соль'; *schadshiga* (*шадига*) 'сорока' и др., характерные для говоров верхнеамурских тунгусов. В этих же говорах Мессершмидт записал несколько синонимов, например: *jakibhky*, *ongolho* (*якипки, он,оло*) 'кедровка'; *segiar*, *dencka* (*сэгэн, ден,ка*) 'соболь'; *dschalock*, *urgicen* (*дёллок, иргичэн*) 'каменный баран' и др. Одни из них (*ден,ка, он,оло*) характерны для говоров шипящего диалекта, другие (*сэгэн, дёллок, якипки*) — для забайкальско-витимского.

Все это свидетельствует о проникновении забайкальско-витимских и забайкальско-амурских тунгусов в районы расселения ангарско-енисейских и ангарско-ленских. Началось оно еще до выхода русских к Енисею, т. е. до начала XVII в. По всем данным это были группы из родов Ванэдыр, Монгол, Баягир. Первое название имеет окончание *-дыр*, характерное для собственных имен верхнеамурского тунгусоязычного населения, имевшего тесные связи с монголоязычным (имен с суффиксом *-дыр/-дар* довольно много в «Сокровенном сказании монголов»)¹. Род Монгол был отмечен в Приамурье: среди эвенков в 1947 г. сохранилось еще в памяти название рода Монгол, потомки которого живут по Урми, Амгуни, Чумикану и Торему. В XVII в. род Монгол был зарегистрирован в районе к западу от истоков Вилюя и на средней части Ангары, а в XVIII—XIX вв. — между Кочома и Илимпеей на Нижней Тунгуске, где потомки его жили в начале XX в. Род Баягир в XVII в.

¹ Исторический фольклор эвенков, стр. 355, 339, 340 и др.

зарегистрирован в Забайкалье и в районе Нижней Тунгуски, вниз от р. Тэтэн до р. Таймуры. Последними выходцами на Нижнюю Тунгуску с верховий Витима были семьи тунгусов из родов Чилчагир и (X) ачакагир. В XVIII в. все эти названия родов тунгусов там же застал сержант Попов¹. Проникновение забайкальско-амурских групп отразилось на этнографическом комплексе эвенков с бассейна Котуя — Хатанги и озерного района. Рядом с предметами местной культуры у них существовали в начале XX в. предметы амурско-забайкальской культуры². В фольклор их вошли амурские элементы (ловля луком стрелы, пушечной противником, термин Кингит — название одного из древних монгольских родов, развитие сюжета о Нурговуле и об Уроне³ и др.).

Таким образом, записи слов в дневниках Мессершмидта от тунгусов оротонг, хундысал, хамниган, традиция татуировать лицо у хундысал, распространение говоров шипящего диалекта в бассейне Енисея и появление в этих говорах элементов витимско-забайкальского и верхнеамурского диалектов говорят о первичности расселения по тайге между Енисеем и Леной пеших охотников хундысал с татуировкой на лице, говоривших на шипящем диалекте, и о вторичности расселения по этой территории оленных охотников оротонг без татуировки на лице, говоривших на свистящем и сибилантно-спирантном диалектах⁴.

Эти записи свидетельствуют о том, что группы оленных (оротонг, ороchon), проникая на запад, смешивались с пешими охотниками хундысал, имевшими много собак и припрягавшими их в сани. Оленные передавали охотникам хундысал оленей и некоторые особенности своих говоров. Записи Миддендорфа, Чекановского, Рычкова, Васильева от эвенков тундры и лесотундры подтвердили все, что можно было наметить на основании материалов Мессершмидта, и показали, каким путем говоры шипящего диалекта превращались в спирантные. Этнографические же факты показывают, как формировались новые группы оленных охотников и оленеводов, незначительно отличающиеся от прежних.

Говоры верхнеленских тунгусов еще до XVIII в. начали включать элементы, характерные для среднеамурских говоров (х- вместо сочетания *-кш-*, *-кс-* и *-х-* в интервокальном положении вместо *-ш-*, а также некоторую лексику). Говоры южнозабайкальских тунгусов, сохранившие в XVIII в. элементы шипящего диалекта, свидетельствуют об очень раннем проникновении в Забайкалье ангарско-прибайкальских тунгусов, говоривших на этом диалекте. Войдя в состав скотоводческих групп и распространяясь по степям Забайкалья — Верхнего Приамурья, они внесли в говоры скотоводов — эвенков-солонов — черты своего диалекта (отдельные слова, употребление согласного *-ш-* в определенных сочетаниях, употребление широких гласных в некоторых словах и неассимилированного сочетания *-нд-*, *-лд-*)⁵. Таким образом, древние группы ангарско-прибайкальских тунгусов были одним из компонентов в формировании эвенков-солонов.

Итак, Мессершмидт оказался свидетелем одного из этапов процесса образования смешанных групп и новых говоров и диалектов и зафиксировал это своими записями.

¹ Акты архивов Якутской области. Цит. соч.: Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сиб. этнографич. сб., IV. Тр. ИЭ, т. LXXVIII, 1960.

² Г. М. Василевич. Енисейско-чирингдинские эвенки. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951. Она же. Эвенки Катангского района.

³ Исторический фольклор эвенков, стр. 16, 17, 307—312.

⁴ Мысль о расселении тунгусов по тайге в доолениводческий период впервые высказал Золотарев (А. Золотарев. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в. «Историк-марксист», 1938, т. II, стр. 80).

⁵ Язык эвенков-солонов в начале XX в. был сибилантным, но с некоторым количеством элементов шипящего диалекта.

840830

ЯКУТСКАЯ
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина